

безличными конструкциями со значением необходимости и желательности ("*Эти "пропуски" желательно устранить при подготовке следующего издания учебника*"). Подобная некатегоричность рекомендаций – ещё одна установка, формирующая нейтральную тональность научной рецензии.

Итак, опираясь на проведенное исследование научных рецензий, можно сказать, что для подобных текстов характерна полиоценочность (и похвала, и порицание присутствуют в подобных текстах), выраженная в монотональности. Формирующийся в итоге тип тональности можно назвать "информирующим" и отнести к одному из типов нейтральной тональности.

Литература:

1. Майданова Л.М. Практическая стилистика жанров СМИ: репортаж, корреспонденция, рецензия, радио-обзор печати, реклама / Л.М. Майданова, Э.А. Лазарева. - Екатеринбург: Издательство Уральского Университета, 1996.
2. Стилистический энциклопедический словарь / под ред. М.Н. Кожинной. - М. : Флинта : Наука, 2003.
3. Матвеева Т.В. Учебный словарь: русский язык, культура речи, стилистика, риторика / Т.В. Матвеева. - Екатеринбург: Издательство Уральского Университета, 2003.
4. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования / И.Р. Гальперин. - М. : [Б. и.], 1981.
5. Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. В.Н. Ярцевой. - М. : Советская энциклопедия, 1990.
6. Матвеева Т.В. Функциональный стили в аспекте текстовых категорий / Т.В. Матвеева. - Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1990.

Еремеева И.Ю.

*Научный руководитель: Т.А. Снигирева,
доктор филологических наук, профессор
УрГУ, Екатеринбург*

КОНЦЕПТ «СЕРДЦЕ» В РАССКАЗЕ А.П.ПЛАТОНОВА «ВОЗВРАЩЕНИЕ»

Рассказ А. Платонова «Возвращение», написанный в 1946 году, стал новым словом в раскрытии военной темы, словом неожиданным и сокровенным. Сюжет рассказа, как это свойственно Платонову, намеренно незамысловат: капитан Иванов возвращается после

окончания войны на родину, встретившись с семьей и, узнав об измене жены, решает оставить родных и найти счастье с другой женщиной. Такой обыденный событийный ряд скрывает под собой важнейшую проблему времени – проблему отчуждения разлученных войной родных людей. Состояние непонимания и связанные с этим душевные переживания героев рассказа Платонов передает вполне традиционно: через внутренний монолог героев, их речь, описание природы, портретные характеристики. Однако наиболее полно раскрыть глубину авторского замысла можно, прибегнув к концептуальному анализу рассказа «Возвращение». Под термином «концепт», как это принято в современной филологии, понимается лексически зафиксированное, повторяющееся понятие, реализующее себя на всех уровнях текстовой организации: от мотивной структуры до системы персонажей и авторской позиции.

Описывая внутреннее состояние героев, автор особенно часто употребляет слово «сердце»: «единственное, что могло утешить и развлечь сердце человека, было сердце другого человека» [1, 352], «по доброте сердца» [1, 354], «сердце...темное стало» [1, 367], «в сердце ранила» [1, 367] и т.д. Лексема «сердце» и ее производные упоминаются в небольшом по объему произведении 23 раза. И понятие «сердце» выступает не просто как символ любви, искренности, как воплощение душевных мук. Платонов закладывает в это понятие смысл, близкий библейскому: «Сердце ...интуитивно чувствуется его героями и выражается в их самосознающих речах буквально в библейском смысле, когда сердце не только седалище чувства – любви, ненависти, гнева, горести, тоски..., но и мысли, решения, воли, и главное, такой таинственной способности человека как совесть... Сердце – камертон истины, особая инстанция различения должного и недолжного» [5, 145]. Сердце – это особый способ постижения мира у героев Платонова. Именно чувственный, интуитивный, сердечный подход позволяет им найти свое место в жизни, ощутить гармонию с вселенной. Так, проснувшееся сердце Иванова – символ пробудившейся в нем совести, символ открывшихся ему смысла и цели его жизни. Лексема «сердце» взаимодействует в рассказе со словесными оппозициями «разум – чувство», «близкое – далекое». Сердечное влечение главного героя капитана Иванова к Маше описано Платоновым достаточно немногословно, хотя не лишено поэтичности (запах Машиных волос, ассоциирующийся у Иванова с дорогой, неизвестной и манящей вольной жизнью); но странными и неуместными выглядят здесь слова, которые условно можно обозначить понятием «разум»: «Иванов не мог долго пребывать в уныло-печальном состоянии...Поэтому... он находил себе... *подручную* радость...»[1, 352], «Иванов *привычно* поцеловал ее (Машу)»[1, 354]. Желание оставить семью и уехать к Маше представлено как логическая цепочка-рассуждение: «Все же Иванов надеялся, что Маша хоть немного обрадуется, когда снова увидит его, и этого будет с него *достаточно*; *значит*,

и у него есть новый близкий человек, и *притом* прекрасный собою, веселый и добрый сердцем. А там видно будет!» [1, 370]. И как контрастно по отношению к этому эпизоду выписана сцена пробуждения сердца героя: «*жарко у него стало в груди,...сердце... пробилось на свободу, заполнив все его существо теплом и содроганием*» [1, 370]. Лишь пережив глубокое потрясение, увидев своих жалких, брошенных (сирот при живом отце) бегущих за поездом детей, Иванов начинает чувствовать смысл жизни, в нем пробуждается жалость, совесть, стыд, любовь. Понятие «близкое» принято связывать с родиной, домом, семьей, следовательно, оно напрямую взаимодействует с концептом «сердце»: «близкое» – то, к чему лежит сердце. В рассказе «Возвращение» видна ситуация подмены, смещения понятий «близкого» и «далекого»: «Маше *непривычно, странно* и даже *боязно* было ехать домой к родственникам, от которых она уже *отвыкла*» [1, 352], «*Странен* и еще *не совсем понятен* был Иванову родной дом...что-то *мешало* Иванову чувствовать радость своего возвращения всем сердцем, – вероятно, он слишком *отвык* от домашней жизни и *не мог сразу понять* даже самых близких, родных людей» [1, 359]. Война ожесточила сердца людей, разрушила нравственные основы жизни. Так заявлена Платоновым проблема возвращения к естественным отношениям, возвращения к сердечности. По мере разворачивания текста за многократно повторяющейся лексемой «сердце» не только закрепляется особый статус – статус лейтмотивного образа, который, по-разному реализуя себя в рассказе, приобретает дополнительные смыслы, но и осуществляется своеобразный выход к мощному символическому слою «Возвращения». Так, лейтмотивный образ продрогшего, «темного» сердца граничит и взаимодействует в тексте с символикой огня, которая находит своё воплощение, прежде всего, в конкретном образе домашнего очага. На кухне, вокруг жарко натопленной печи, собирается после долгой разлуки семья Ивановых. Неровно, «полохматому» [1, 357] горящий огонь символизирует здесь потепление отношений, оттаивание соединившихся после войны человеческих сердец. Костер, который Иванов разводит для себя и Маши, – это тоже реализация огненной символики, противоположная образу домашнего очага. Небольшой костер – это вспыхнувшее чувство главного героя к Маше, его минутная увлеченность. Его тепла хватит, чтобы временно обогреться, но не более. Искренность, любовь, взаимопонимание ждут Иванова дома, но, отвыкший за годы войны от жены и детей, главный герой ошибочно заменяет тепло домашнего очага небольшим костром у железнодорожной линии. Огонь живет и в самом герое – Платонов изображает его как воплощение огненной стихии («Иванов погасил огонь в трубке большим пальцем, нечувствительным к тлеющему жару ... От него сильно пахло табаком, сухим поджаренным хлебом, немного вином, – теми чистыми веществами, которые произошли из огня или сами могли родить огонь» [1, 353]), подчеркивая тем самым его чувственность, эмоциональность,

острую потребность в любви. Правда, этот огонь незаметно тлеет в Иванове. Это уже другое пламя, нежели домашний очаг: потребность теплоты здесь перерастает в чувство эгоизма. Если теплота семьи распределяется равномерно, на всех, то главный герой жаждет ее для себя. «Сердце есть средоточие душевной и духовной жизни человека... оно есть седалище воли и ее хотений... Сердце есть седалище всех познавательных действий души... Уразуметь «сердцем» значит понять (*Втор 8:5*); познать «всем сердцем» – понять всецело (*Ис Пав 23:14*)»[6, 415], – писал религиозный философ П. Флоренский. Привыкшее к ужасам войны, сердце Иванова не способно сразу почувствовать одиночество своей семьи, понять тяготы и лишения, осознать, что причина измены жены – такая же потребность в сердечном тепле и ласке, в какой нуждался и сам главный герой. Библейской символике подчинено и время рассказа. Путь к дому Иванов преодолевает за шесть дней и на утро седьмого дня («воскресенья») осознает свою мелочность, эгоизм, чувствует стыд за свой поступок и ощущает любовь к близким. Последняя сцена (пробуждение сердца) является своеобразным воскресением героя. Концепт «сердце» у Платонова напрямую соотносим с библейской символикой, вскрывает ее «всегдашний», непреходящий смысл.

Пространственно – временной план рассказа, как и символический, непосредственно связан с концептом «сердце». Одиночество человеческого сердца (мотив всеобщего сиротства, одиночества) подчеркивается большими временными отрезками: «Поезд, однако, опоздал на *долгие часы*, а когда эти часы истекли, *опоздал еще дополнительно*»[1, 351]. Время как-то неправдоподобно замедляется, становится несоизмеримо долгим. Не случаен и выбор времени года – осень. Пора увядания, умирания. Герои, пережившие войну, стареют: у Иванова появляется «хриплый голос *пожилого человека*» [1, 353], Петрушка «рассуждает, как *дед*» [1, 363]. В рассказе смоделированы два противопоставленных друг другу пространства: дом и воля. Дом напрямую связан с концептом «сердца»: он тепел, согрет огнем домашнего очага, уютен, это средоточие близких людей, способных простить, понять и принять, в домашних есть особая мудрость в понимании жизни. Открытое пространство, наоборот, холодно, ветрено, соотнесено с остывающим, усталым состоянием человека, одинокого или очерстневшего сердца: «В окружающей их осенней природе было уныло и грустно»[1, 352]. Оппозиция «любовь к ближнему» и «любовь к дальнему» может стать ключом к рассмотрению системы образов рассказа. «Любовь к ближнему», с точки зрения Н. Сейранян, – основа жизненного существования героев, любовь в ее христианском смысле, не эгоистическая, берущая, а делящаяся «сердцем» с близкими. Таково чувство Маши («...сердце, вмещающее, как у истинной сестры, всех братьев в одну любовь и никого в отдельности» [1, 352]), она дает тепло Иванову, но сама не просит у него ничего взамен. Чувства жены Иванова – несколько другая ступень воплощения христианской любви – более

приземленная, чувственная. Маленькая Настя – всего лишь ребенок, но и у нее есть «доброе сердце» [1, 356], искренность и теплота. Любовь Петрушки как чувство и переживание представлена имплицитно, ведь он, сознавая себя мужчиной, прячет свои чувства глубоко в душе, а обиду и горечь скрывает под ворчанием. Выразитель «любви к дальнему» – капитан Иванов (до конечного эпизода пробуждения сердца). Он как бы издалека, формально любит свою семью, считает, что любит Машу, но всецело концентрируется на своих переживаниях, не замечая чувств окружающих. В.В. Васильев отметил своеобразие платоновского понимания любви, представленное столкновением двух понятий – «любви» и «религии», сославшись на письмо писателя к жене «...Как хорошо не только любить,... но и верить в тебя, как в Бога, но и иметь в тебе личную, свою религию. Любовь, перейдя в религию, только сохранит себя от гибели и от времени... Любовь – есть собственность, ревность, пакость и прочее. Религия – не собственность, и она молит об одном – возможности молиться, о целостности и жизни Божества своего» [2, 158-159]. Чувство героини – «религия», она обращена ко всем нуждающимся. Это истинное проявление сердца. Чувство Иванова – «любовь», направленная всецело на «согревание» своего сердца, берущая и не отдающая. Кульминационная сцена ночного разговора Иванова и его жены представляет собой столкновение двух сердец: открытого для всех страждущих, наполненное состраданием сердца Любови Васильевны и замкнутого на своих чувствах, спрятанного глубоко сердца главного героя. Иванов демонстрирует здесь полное непонимание близкого человека – забывает, как тяжело пришлось его семье в войну, ругает Петрушку, ревнует жену. Такое состояние злости Платонов характеризует одним словом – «серчал» [1, 363]. Главный герой близко к сердцу принимает рассказ жены, но эмоции берут верх над сердцем. Бестолковая и сбивчивая речь Любови Васильевны наполнена словами «сердце», «душа», «чувство», она образно описывает свое одиночество «...я измучилась вся, и сердце мое темное стало» [1, 367]. Герой упоминает о сердце один раз: «Войны нет, а ты в сердце ранила меня...» [1, 367]. В одной из литературно-критических статей Платонов, положительно оценивая мастерство своих современников, отмечает «огромную сжатую реалистическую силу» [3, 96] произведений, в которых «каждое слово автора служит конечному смыслу и назначению темы, неся на себе работу, а не игру» [3, 96]. Данную установку он реализует и в своем творчестве. Многократно употребляя слово «сердце» в рассказе «Возвращение», Платонов акцентирует на нем внимание как на важной смыслообразующей единице, что и придает ей статус концепта. За «сердцем», понятием знаковым в русской культуре, он закрепляет свой собственный авторский смысл. Сердце у героев Платонова – это способ восприятия и постижения мира. Дефицит сердечного тепла становится главной проблемой послевоенного времени. Замкнутое, ожесточившееся за годы войны сердце главного героя видит мир в

искаженном свете и не может преодолеть атмосферы отчуждения, не может простить своих близких. Только детям, наделенным чутким сердцем, ощущающим жизнь непосредственнее взрослых, становится под силу пробудить дремлющее сердце отца. Концепту «сердце» подчинена вся структура рассказа: на лексическом уровне он подкрепляется оппозицией «близкого» – «далекого», взаимодействует с мотивами одиночества, сиротства, смерти; с «сердцем» связана символика огня, категории пространства и времени, с «сердцем» сопряжено особое, близкое христианскому, понимание любви у Платонова; внешний конфликт можно представить как столкновение двух «сердец» героев, двух типов любви, «сердца» главных героев представляют собой средоточие внутреннего конфликта. Сквозь призму сердца Платонов по-новому освещает тему войны, изображая ее не только как сущность, физически уничтожающую все живое, но как силу, посягнувшую на разрушение нравственного облика человека, силу, мешающую вернуться к нормальной жизни, почувствовать мирную жизнь «обнажившимся сердцем» [1, 372].

Литература:

1. Платонов А.П. На заре туманной юности: Повести и рассказы. – М.: Сов. Россия, 1990. – 480 с.
2. Васильев В.В. Андрей Платонов. Очерк жизни и творчества. – М.: Современник, 1982. – 230 с.
3. Платонов А.П. Размышления читателя: Лит.-критические статьи и рецензии. – М.: Современник, 1980. – 287 с.
4. Сейранян Н. Любовь как смысл человеческого существования (Жанровое и стилевое своеобразие прозы А. Платонова 1930-1940-х гг.) // «Страна философов» Андрея Платонова: Проблемы творчества. Выпуск 5. Юбилейный. – М.: ИМЛИ РАН, 2003. – 984 с.
5. Семенова С. Россия и русский человек в пограничной ситуации. Военные рассказы Андрея Платонова. // «Страна философов» Андрея Платонова: Проблемы творчества. Выпуск 4. Юбилейный. – М.: ИМЛИ РАН, 2000. – 960 с.
6. Флоренский П.А. Столп и утверждение истины: Опыт православной теодицеи. – М.: ООО «Издательство АСТ» 2003. – 640 с.